

Падёт туманная завеса,

Жених сойдёт из алтаря,

И из вершин зубчатых леса

Забрезжит брачная заря.

А.Блок

Идеолог французских «новых правых» Ален де Бенуа пишет: «Истинный консерватор... признаёт необходимость исчезновения старых, отживших форм, но он знает так же, что подлинные ценности бессмертны и всегда снова появляются на поверхности, хотя и в иных формах. Истинный консерватор всегда революционер». Это высказывание, относящееся к Мюллеру ван ден Бруку, вполне приложимо и к имени Константина Леонтьева, который, презрев охранительные штампы своего времени, дерзнул определить грядущий социализм как возможность «новой формы феодализма», т.е. как возможное второе рождение консерватизма, его наиболее полное и бескомпромиссное воплощение. И если для Мюллера ван ден Брука характерно сочетание «традиционных ценностей — «государство», «нация», «иерархия», «духовность» и т.д. — и ценностей «социалистических» — «социальная справедливость», борьба против «капиталистического угнетения» и «процентного рабства», «этика труда», то К.Леонтьев, пожалуй ещё более «авангарден» соединяя самодержавие и «пламенную мистику» с социализмом и видя в будущем русского Царя во главе социалистического движения. В этом, отмечает Ален де Бенуа, «состоит суть Консервативной Революции как преодоления противоположностей, как «третьего пути», как героического взлёта национальной истории над роковой дихотомией социально-политических анти-тез». («Элементы» №3) О том, насколько проницателен оказался К.Леонтьев, красноречиво говорит феномен Иосифа Сталина. Разумеется, Сталина нельзя рассматривать как полное исполнение леонтьевских пророчеств, как факт состоявшегося

консервативно-революционно-го (национал-революционного) прорыва. В Сталине этот прорыв только намечен. Сталин для нас — это не то, что было, а прообраз того, что ещё должно быть. Это имя — указание на пока не реализованную национальную возможность, исторический прорыв, «третий путь».

Детище Сталина — советский социализм («советизм»), несмотря на так и не изжитые до конца космополитические, марксистско-ленинские свои аспекты, в огромной мере подтвердил Леонтьева с его идеей «феодализма будущего». В громадной степени «советизм» представляет собой утрированное, сгущённое выражение сверх-исторической сущности России, её архетипа. Речь идёт о таких качествах «советизма» как Империя, «командно-административная», распределительно-опекающая, общинная система, здоровая, народная трудовая мораль и, наконец, прикровенный, но явно различимый в позднем Сталине «византизм», пафос Третьего Рима как охранительной мировой оси. (В.Алексеев, рассказывая о Сталине времён борьбы с «космополитами», пишет, что по замыслу вождя русский народ «должен был стать основным этносом, сплывающим все народы СССР и стран народной демократии, которые объединившись, остановят продвижение атлантической цивилизации и выступят против иудейско-католического влияния в мире. В то время Сталин, видимо, окончательно переходит к мистическому, может быть, даже сакральному пониманию миссии России в мире, своей роли в этом иррациональном процессе». («День», N8/88)). Именно эта почвенная — и основная! — часть советского наследия, с 1985 года искореняемая агентами «ново-го мирового порядка», и есть нераскрытый пока потенциал консервативно-революционного прорыва, основа для леонтьевского броска в новый консерватизм, в новую империю.

Именно это содержание с поистине леонтьевским дерзновением разглядел в «советизме» Жан Тириар. А.Дугин отмечает: «Уйдя от верной, но несколько абстрактной формулы «ни коммунизма, ни капитализма», свойственной национал-революционерам Европы с 60-х годов, Тириар окончательно остановился на формуле «Евросоветская империя», выбрав не столько коммунизм, как абстрактное экономико-политическое учение, сколько «советизм» — конкретную реализацию социализма в России (выделено мной — А.Ш.). Тириар ощутил в советской (по сути, сталинской) империи единственный в современном мире оплот и возможный источник живого консерватизма, парадоксальным образом свидетельствуя о России как об Удерживающем и подтверждая мысль Леонтьева о социализме — «новом феодализме».

Мысль о «советизме» как о конкретной основе нашего «третьего пути» приобретает сегодня в России основное значение. Дело в том, что сегодня Русские националисты стали, наконец, обладать нормальной информацией о фашистской Италии, Третьем Рейхе, о русском национал-революционном движении 20-30-х годов, центральной

фигурой которого был, несомненно, К.Родзаевский. Все это отлично, однако мы, русские национал-революционеры последнего призыва, должны твердо помнить, что современный мир бросает нам вызов, требующий нового ответа, в частности, более радикального в вопросе социальной правды, в отношении к капитализму, к рыночным «ценностям», к масштабам допустимости частной собственности. С этой точки зрения национал-революционные программы 20-х, 30-х, 40-х годов представляют собой ограниченно-буржуазные варианты (так например, русские фашисты в аграрном вопросе стояли на вполне либерально-столыпинских позициях, что, впрочем, можно понять как реакцию на преобладавшие тогда репрессивно-космополитические черты советской системы). Сегодня в Национальной Революции окончательно нет места буржуазности и стяжательским началам. Сегодня, когда рыночные и частнособственнические принципы окончательно утвердились как неотъемлемая и важнейшая часть отвергаемого нами современного мира, национал-революционеры должны занимать бескомпромиссную антирыночную, антикапиталистическую, антистяжательскую позицию — во имя истинно-консервативного Порядка. И вообще, принцип частной собственности отнюдь не является неотъемлемым компонентом консервативной системы ценностей, которая имеет лишь две постоянные составные: Сакральность и Иерархия. Как показывает пример Столыпина, частная собственность может играть и трагическую либерально-разрушительную роль. Ещё Н.Данилевский писал, что желание разрушить общину «не может быть названо желанием консервативным». Понятно, что речь идёт не о каком-либо духовном компромиссе с «левой» (в её атеистическом, интернационалистском, прогрессистском значении), а о национал-революционном, по-леонтьевски парадоксальном прорыве к первозданной чистоте истинно-правого идеала. В свете сказанного ясно, что в наше время Национальная Революция оставляет место, в лучшем случае, лишь для ограниченной, мелкой частной собственности и уж во всяком случае не на землю. Разумеется, такой радикальный экономический «советизм» отпугнёт «предпринимателей-патриотов» с их культом Столыпина и идеями «национального капитализма». Но Россия принесла такие жертвы ради того, чтобы окончательно отрешиться от падшего современного мира, с его капитализмом и властью денег. Пройдя страшное, но промыслительное очищение и выправление огнём, Россия стала окончательно невосприимчивой к стяжательской скверне, к капитализму — как прямому порождению эры нигилизма. Пора освободиться от мелкотравчатых иллюзий, что предприниматели спасут Россию. Нужен герой и труженик, а не благодный столыпинский собственник, «гарант стабильности», по сути далёкий от Традиции и вполне вписывающийся в «новый мировой порядок». Парадокс: советский колхозник, хотя и на бессознательном уровне, ближе к Традиции, чем мечта ельциноидов — фермер-отрубник; колхозник ближе к «универсально-крепостному», «московскому» архетипу русского государства — государства «всеобщего тягла и службы».

Стремление к социальной правде — не плод кабинетных учений, оно почвенно, национально, особенно в России. Ключевое значение сегодня приобретает органическое единство, живой синтез национального и социального идеалов. И что важно, со стороны коммунистов — патриотов, причём именно из народных слоев, не

свя-занных с гнилой номенклатурой КПСС, появляются обнадёживающие сигналы такого рода. Так, рабоче-крестьянская газета «Дело» (№1/ 3,1993) пишет о необходимости сочетания «рабочих, национальных и сталинских принципов». Показательно, что не упомянуты принципы ленинские! Жизнь требует от патристического посткоммунизма окончательно и открыто порвать с Марксом и Лениным, с тяжким космополитическо-масонским идеологическим шлейфом и столь же окончательно по-вернуться к Сталину — к немарксистскому, национальному, имперскому социализму. «Что касается социализма, — говорил Муссолини, — это может быть, например, антимарксистский, и национальный социализм. Миллионы тружеников... осуществляют синтез двух антитез: класс и нация». Надо понять: Россия одинаково не примет и рыночно-капиталистического Мамону, и интернационально-атеистическую «марксятину» — как две стороны одной шестиконечной медали.

Словосочетание «национальный социализм» неизбежно заставляет вспомнить о Третьем Рейхе. Скажем сразу, мы не собираемся испуганно отрешиваться от всего германского опыта «третьего пути», страшись пугала нюрнбергского судилища. Но также необходимо подчеркнуть, что любой национал-революционный опыт других европейских стран встречает у нас не только сочувственное, но и критическое осмысление, и интересует нас не как готовый образец, а лишь в качестве сопутствующего материала. Так, в частности, неприемлем для нас материалистический расизм розенберговского типа, а также определённые антихристианские мотивы германского национал-социализма. Вообще же наибольшую актуальность для нас представляет не классическая НСДАП, а оппозиционный штрассеровский нацизм, в частности, в силу его большей социальной радикальности. Характерна эмблема штрассеровцев: скрещенные Меч и Молот — символ соединения национально-традиционалистских и социально-трудовых начал. Но в главном, Русский Национальный социализм должен произрасти из русско-го, православного корня. Этот корень — идеи Леонтьева, евразийцев, Н.Устрялова, черно-сотенное движение начала века, русское национал-революционное движение 20-30-х годов (ВФП. РОНД, младороссы и др.), наконец, сталинский «национал-большевизм».

Стремясь наиболее ёмко выразить своё представление о характере и стиле будущего строя в России, я ранее широко употреблял выражение «русский Франко», видя во франкизме наиболее близкий России вариант. Надо признать, что это выражение было весьма неточным. Когда-то П.Сувчинский писал: «Далеко назад и далеко вперед, но не в коем случае не к близкому прошлому — вот куда должна звать будущая русская «реакция!...» Так вот, Франко в огромной степени символизирует собой типичного «белого» генерала-диктатора, староконсервативного патриота, который возвращает страну большей частью к «близкому прошлому». В спектре современных русских патристических движений этот тип представлен НПФ «Память» Д.Васильева, желающей вернуться на столыпинские рубежи 1913 года. (Весьма показательно, что

Васильев, сторонник «на-ционального капитализма», на апрель-ском референдуме 1993 года встал на сторону Ельцина, знаменуя этим полный провал современного русского староконсервативного сознания.) И не случайны расхождения Франко с на-ционал-революционной Испанской фалангой², (см. брошюру «Консервативная Революция в Испании» П.Тулаева.).

Франко — это староконсервативная, авторитарно-буржуазная модель, близкая к модели национальной диктатуры И.Ильина. Это, условно говоря, модель «Национального возрождения». Для нас же актуален, образно говоря, К.Леонтьев — модель «Национальная Революция». Нет, не «русский Франко», а «русский Сталин» — так скажем теперь. Речь идёт не о банальной реакции, не о плоской контрреволюции, движимой ностальгией, а о прорыве в новое национально-державное качество, в «небывальное»; более того: о попытке героического преодоления апостасийного конца Истории, и тут нужен «гений поступка», «мощный властелин судьбы», национал-революционный Пётр — «большевик по энергии и националист по убеждениям», а не просто «белый генерал» охранитель, «спаситель России». Необходимо решительно расстаться с сознательным или бессознательным стремлением вернуть некую оставшуюся в прошлом Россию. Невозможно вернуться на прочитанные страницы истории. И, главное, не надо стремиться туда, к той России, от которой нас промыслительно отделяет огненная полоса очищения. Оставим ностальгию по осётрам и «серебряному веку», вздохим и ахи по поводу столыпинских реформ, все эти «если бы» да «кабы» «просвещённому патриоту» Говорухи-ну. Речь должна идти не о реставрации Петербургской или даже Московской России, не о повторении ветхих и частных форм, но о прорыве к первообразу, к архетипу России, о воплощении Вечного в новых формах («далеко назад и далеко вперед»). Не о возрождении России надо говорить, а её рождении, самообретении, кристаллизации, максимальном самораскрытии. Русский национальный социализм — это собирание в фокус всего русского исторического пути — ради пути дальше. Это воля к Сверх-россии — синтезирующей «далеко назад» и «далеко вперед», узнаваемой и «небывалой» одновременно. «Идеи, укоренённые в наших древнейших традициях в сочетании со сверхсовременным пониманием целей, которые мы перед собой ставим...» — это определение «германского социализма», данное Мюллером ван ден Бруком, «срабатывает» и в нашем случае. И если, скажем, испанский фалангизм связан, хотя и опосредовано, с идеалом Испанидад, а германская Национальная революция — с идеалом Третьего Рейха, то русский сверхнациональный социализм коренится в идеале Третьего Рима, представляя собой его радикальную, «современную» проекцию. Итак ясно, что говоря о социализме, мы подразумеваем не эгалитарно-атеистическое бытоулучшительство «ради спасения животишек» (Достоевский), не прогрессистско-утопическое шествие к интернациональному «земному раю», короче, не «башню вавилонскую». Мы понимаем национальный социализм как авангардное воплощение национального архетипа, укоренённого в Горнем, Небесном. Национальный социализм — это земная проекция «эфирной» идеи. Это характерное для истинного консерватизма стремление отразить на земле Горнюю Иерархию, Горний Порядок. Яркий пример такого стремления — старомосковский «универсально-крепостной» порядок, «государство боевого строя», получающее вторую

жизнь в «новом средневековье» русского национального социализма, свободном от поверхностного архаизма, традиционном и «сверхсовременном» одновременно. Повторяем: не к «старому» устремлён русский национальный социализм, и не в «историко-материалистически» понимаемое будущее, а «Ввысь» (де-виз Ногинской фаланги).

Простите, могут сказать, мы видим в таком порядке лишь модернистский вариант иерархии, новое неравенство, где же тут собственно социальность? Повторим: буквальная, «советская» социальность должна быть воспринята русским социализмом в полном объёме. Отнюдь не из каких-то тактических, компромиссных соображений мы говорим о социально-экономической справедливости. Отнюдь не в качестве пропагандистско-го дописка (в духе марксистской демагогии) используем мы понятие «трудовая империя». Сегодня, в конце двадцатого века, ясно: национальное не может быть в совершенстве раскрыто без полноты социальной справедливости. Русский национальный социализм, оставаясь идеологией подчеркнута иерархической, при этом, упраздняя «роковую дихотомию социально-политических антитез» радикально вмещает в себя весь объём «советистской» социальности, вообще весь дух традиционной русской общинной солидарности и опеки.

Уже давно на патриотических митингах соседствуют чёрно-жёлто-белые имперские и красные советские знамена. Многие «фундаменталисты» тяготеют этим сочетанием, поверхностно усматривая в нем все-го лишь некий курьёз, временный тактический компромисс. «Упёртые» белые, «упёртые» красные не видят то, что «перед носом»: сама несводимая к схемам «живая жизнь», сочетая эти флаги, указывает нам, что пришло время великого историческо-го синтеза, органического единства национального и социального идеалов. Национальное должно отныне раскрываться ещё и как социальное, а социальная правда должна слиться с правдой национальной, стать частью национального идеала (да так, собственно, в России всегда и было). Сегодня, в эпоху активного (и справедливого) отторжения большевизма в его безбожно-космополитическом аспекте, крайне важно осознавать промыслительное, национально-религиозное значение 17-го года. Разумеется, речь не идёт о каком-либо духовном компромиссе с «Октябрем». Однако одной из самых серьёзных опасностей для русского национального движения сейчас является шаблонная, прямолинейная «белогвардейщина» с её нафталиновым антикоммунизмом, обращённая в идеализированное прошлое и огульно вычеркивающая из нашей истории годы «совдепии» как безнадежно пропавшие и враждебные всему русскому. Ещё евразийцы предупреждали: «Страшно подумать, что подлинное национальное вдохновение, которое рано или поздно пробудит всю Россию, может быть сведено к общим политическим шаблонам и реакционному формализму». Между тем, эти опасения подтверждаются: появились шаблонные монархисты, шаблонные черносотенцы, навсегда оставшиеся в атмосфере чайных Союз-а Русского Народа, шаблонные белогвардейцы (типа С.Волкова), «пещерно» пламенеющие шаблонной (ныне

официально поощряемой) не-навистью к «коммунякам», - кстати сказать, порой гораздо более «почвен-ным», органичным, жизненным, чем адепты костюмированного «нацио-нального возрождения», облачённые в «самопальные» золотые погоны или смазные, нарочито «кондовые» охотнорядские сапоги.

В мощном выбросе исторической энергии, произошедшем в октябре 1917-го, очень важно увидеть не толь-ко разрушительное начало. Поток энергии, освобождённой революцион-ной катастрофой, Россия была суро-во, но и промыслительно брошена к себе самой, к своему «универсально-крепостному», «московскому» архе-типу. Часто упрекают последнего рус-ского Государя за то, что правитель-ство одним массивным репрес-сивным ударом не покончило со сму-той — как в лице откровенно бан-дитских партий, так и в лице думско-го «профессорского» масонства. По-добных критиков, страдающих исто-рической близорукостью, уместно спросить: а что, собственно, надо бышо спасать? Россию 1913-го, на-сквозь проеденную буржуазностью и нигилизмом? Латать изношенные «мехи» империи, уже не имевшей «ка-кой-то органической опоры, убеждающей воли и увереннос-ти в себе» и фатально спол-завшей к февралю? Россия в лице Императора избрала дру-гой путь, войдя под знаком Ог-ненного Креста (Свастики), на-чертанного рукой Государыни в Ипатьевском доме, в очисти-тельный огонь — ради осво-бождения от ветхости и крис-таллизации в Сверх-Россию. Исторический взрыв октября 17-1-0 года парадоксальным об-разом придал России фаталь-ную устремлённость к себе — «небывалой», к России-макси-муму. Он необратимо усилил её сущностные, архетипические черты, после чего Россия застрахована от возвращения к себе - ветхой, от забвения мис-сии Третьего Рима и от какой-либо интеграции в «мировое сообщество». (Посмотрите как вязнут, глохнут, отторгаются русским орга-низмом демократические, рыночные и прочие реформы). «Потрясение ре-волюции сообщило России величай-ший разгон, зарядило её стремитель-ной и тяжёлой инерцией, одновремен-но злой и положительной. Реакция должна это движение подхватить и ди-намически утвердить себя, заменив ис-ступлённый фанатизм интернациона-ла страстью и творческим самона-чальным идеалом русской веры, куль-туры и державности» — писал П.Сувчинский. «...В соккрытых пока ещё глубинах русская революция, конеч-но, таит какое-то зерно националь-ного гения, которое только в буду-щем, при счастливых обстоятельствах сможет дать свои плоды, которые, может быть, окупят все зло насилия и мерзости революции» Итак: мало осознать 1917-й год как националь-ное грехопадение и возмездие — надо осознать его и как залог будущего, залог «небывалой», качественно но-вой России.

«Зерно национального гения» ясно угадывается и в жажде нового нацио-нального качества, новых далей (будетляйстве Хлебникова и Маяковско-го, скифстве Блока, космизме Есени-на), в новом, обострённом революци-онном антизападничестве и мессиан-стве, а также в очень русском тоталь-ном отрицании власти денег. Именно это глубоко почвенное (а не классо-вое) неприятие господства «золотого тельца» бродит сегодня в рядах «Тру-довой России», РКРП и других пат-риотических коммунистов.

Сам красный цвет сегодня наполняется новым, почвенным, сакральным смыслом. Теперь это уже не цвет «классовой ненависти», а цвет грядущей национальной зари, цвет - пред-ощущение будущей «небывалой» Рос-сии, России Полноты, России Синте-за. Вновь встает перед нами образ: Красный Конь, омытый водами вре-мени, и восседающий на нём новый Русский Адам.

Плод, который окупит всю тяжесть нашего исторического пути, «насилия и мерзости революции» — это вели-кая Идея Синтеза, открывающая че-ловечеству путь «за горизонт», в но-вый мир; упраздняющая «дихотомию антитез», сводящая полюса нацио-нального и социального. Предчувст-вие рождения этой Идеи выражено в замечательных словах Муссолини, ко-торые с удовольствием цитировал «на-ционал-большевик» Н.Устрялов: «Мы имели счастье пережить два истори-ческих опыта: русский и итальянский. Старайтесь же изучать, нельзя ли из-влечь синтез из них. Нельзя ли не ос-танавливаться на этих противополож-ных позициях, а выяснить, не могут ли эти опыты стать плодотворными, жизненными, и дать новый синтез по-литической жизни?» (1924). Именно Россия с её «крайностями», широтой, непредсказуемостью, messi-анством способна на рождение Гло-бальной Идеологии, выраженной в формуле «духовно-политически спра-ва, социально-экономически слева». Русское сознание всегда без усилия вмещало в себя образ этой идеологии с её головокружительной амплитудой — от монархизма до социализма. Выше мы уже цитировали реплику о будущем русском Царе во главе социалистического движения. Автор этих слов, К.Леонтьев, не является неким причудливым знаком на nive русской мысли. Спустя десятилетия после него, опираясь на свои живые впечатления от революции, М.Воло-шин писал: «Социализм тщетно ищет точки опоры, чтобы перевернуть со-временный мир. Теоретически он её хотел найти во всеобщей забастовке и в неугасимой революции. Но и то, и другое — анархия, а социализм сгущён-но-государственен по сущест-ву. Он неизбежной логикой вещей будет приведён к тому, что станет искать её в дикта-туре, а после — в цезаризме. Более смелые теоретики соци-ализма уже поняли это. Так, Жорж Сорель, (...) продвинув-шись ещё левее синдикалис-тов, стал роялистом. Монар-хия с социальной программой отнюдь не есть абсурд. Это по-лшика Цезаря и Наполеона III. Прудон, поддерживая послед-него в первые годы Империи, был логичен, как всегда. Все очень широкие демократичес-кие движения, ведущиеся в им-перском и мировом масштабе, неизбежно ведут к цезариз-му.

Для русского самодержа-вля, только временно забыв-шего революционные тради-ции Петра, отнюдь не бу-дет неприемлима самая крайняя социалистическая про-грамма

(выделено мной — А.Ш.)». Тут кстати упомянуть любопытные слова Петра I о С.Разине, приведён-ные в книге ген.Краснова «Казачья самостийность»: «Жалко — сказал Государь,— что не умели тогда из Сте-пана Разина сделать великую госуда-реву пользу, и жалко, что он не в моё время». «Я думаю, — заключает М.Волошин,— что тяжёлая и крова-вая судьба России на путях к Граду Невидимому проведет её ещё и сквозь социал-монархизм, который и станет ключом свода, возводимого тепереш-ней

гражданской войной». Не успели просохнуть чернила, которыми были написаны эти страницы, как в Русском Зарубежье возникло просталинское движение младороссов, провозгласившее лозунги «Социальная монархия», «Царь и советы». Кстати отметим, что советы с их почвенной, земской, русской природой не имеют ничего общего с западным парламентаризмом (их не собирались ликвидировать даже непримиримые русские фашисты Родзаевского). Сегодня советы — одна из последних почвенных структур, вызывающая дикую ненависть реформаторов. Завтра советы, сформированные на основе принципов внепартийности и национально-пропорционального представительства — становой хребет русского национального социализма.

Идеи, сформулированные в приведённом волошинском пассаже, отнюдь не являются отвлечёнными схемами чудаков-интеллектуалов или достоянием необычных политических партий. Это воистину голос почвы, некий алгоритм национального сознания. Обратимся к достаточно известному эпизоду (из дневника З.Гиппиус), который, как правило, рассматривается лишь в качестве курьёза или примера духовного извращения: «1917, ноября 18. Сегодня в [Петропавловской] крепости [И.И.] Манухин [деятель Красного Креста] при комиссаре-большевике Подвойском разговаривал с матросами и солдатами. Матрос прямо заявил:

— А мы уж Царя хотим...

— Матрос! — воскликнул бедный Ив.Ив. — Да вы за какой список голосовали?

— За четвёртый (большевицкий)

— Так как же?..

— А так. Надоело уже всё это... Солдат невинно подтвердил:

— Конечно, мы Царя хотим... И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться,— солдат вдруг удивился с прежней невинностью:

— А я думал, вы это одобрите». (см., «Россия перед вторым пришествием», М., 1993).

Вдумаемся. Простые русские люди увидели в большевицкой программе выражение своих глубинных царистских устремлений. Совершенно органично большевицкий социальный радикализм соединился в сознании матроса с упрямым рефреном: «Царя хотим». И при этом ни о какой частной собственности наш монархо-большевик не вспоминает. И повторяем, речь идет не о курьезе, не о вывихе сознания, а о конкретном проявлении почвенного, народного, можно сказать, инстинктивного консерватизма — простого, сильного, цельного — в котором есть Царь, но нет частной собственности. Когда-то Ленин, очевидно завидуя первобытной мощи «мужицкого демократизма» черносотенства, выделял как достоинство простоту большевицкой идеи: «Советы и коммунизм — просто.» (М.Горький, «В.И.Ленин»). Однако в реальности в глубинах сознания тысяч матросов и солдат коренилась идея ещё более «простая» — «хлеба проще, рельс прямей» — «Царь и советы». Большевицизм стал для них формой исконного консерватизма. «Мы социалисты, ибо мы консерваторы» — так можно выразить стихийную идеологию этих масс. Эти солдаты и матросы поднимали в красных частях восстания «за большевиков и против коммунистов», уничтожая евреев-комиссаров; они поставили у кормила власти великого Сталина; на гребне их реликтовой, освобожденной революцией, энергии, не иссякшей и сегодня, поднимется будущая, «небывалая» Россия.

Такой консерватизм восходит к глубочайшим архетипам Священного Порядка. Его воплощение мы видим в цивилизациях древности, которые демонстрируют нам тот же «монархо-большевицизм», что и упомянутый выше русский матрос: с одной стороны, сакральная единоличная власть, с другой — прямо-таки большевицкая социальность с ограничением или почти полным отсутствием частной собственности и господством собственности государственной (царской), государственный контроль и распределение.³

Это ещё раз красноречиво говорит о том, что принцип частной собственности не является изначальным и обязательным компонентом консервативной системы ценностей. В архетипе Священного Порядка национальное (традиционалистское) и социальное едины. Это позднее они, следуя логике пораженного грехопадением мира, расщепилась на самостоятельные и даже взаимно враждебные начала. Так, социальное начало, обезбоженное и космополитизированное, превратилось в разрушительную, энтропийную силу, а собственно консерватизм, ослабленный и деформированный отсутствием социального компонента, выродился в рефлекторное, нетворческое охранительство. И только в XX веке была предпринята решительная попытка

воссоединить «ди-хотомии», прорваться к первообразу, к полноте консервативного идеала (речь идет о европейском фашизме, Рейхе и «сталинском национал-соци-ализме» — определение Троцкого).

Однако, главные, решающие шаги на этом великом пути ещё впереди. Недалекие либеральные политологи с петушиным пафосом пишут о якобы противоестественности «компании» националистов и коммунистов: «Можно воскресить историю Европы, Америки, всего мира, но мы вряд ли найдем нечто подобное. Это явно плод мутаций». («Сегодня», 10 августа, 1993 года) Между тем, как раз если воскресить историю «всего мира» — и древнюю, и новейшую — мы обна-ружим длюшый ряд примеров орга-нического, почвенного единства на-ционального и социального. И про-тивоестественная, для убогого либе-рального сознания, «компания» — от-нюдь не абсурд, а конкретное свиде-тельство о народном стремлении до-стичь Первообраза консерватизма, Архетипа Священного Порядка. Это не мутация, а живой синтез. «По-свящённые» демократы, типа А.НЛ-ковлева, в отличие от «профанов», прекрасно понимают органичность этого процесса и что он значит для «нового мирового порядка» — пото-му и запущен нарочито устрашающий жупел — «красно-коричневые». А «процесс пошёл» не только в России, что лишний раз подчеркивает его объ-ективность. «Красно-коричневые во Франции» — с явной тревогой возглашает антирусская «Русская мысль» (22-28 июля 1993 г.), по-ясняя, что «во Франции, как и в России, возникает, казалось бы противоестественный — а на са-мом деле весьма естественный (верно!—А.Ш.) альянс крайне правых сил с коммунистически-ми... на почве неприятия умерен-но левых, главным образом соци-алистов, равно как и умеренно правых, а так же на почве ярого антиамериканизма и антисиониз-ма...» В свою очередь «Куран-ты» (10 апреля 1993г.), разумеет-ся с характерными «жёлтыми» ужимками, сообщают: «И в Ита-лии непримиримая оппозиция, стремясь свалить правительство, пускается во все тяжкие. Особен-но усердствуют право-левые экстремисты-маргиналы. В одной уп-ряжке частенько оказываются чле-ны социального движения, прямо-го наследника партии Муссолини (речь идет об Итальянском соци-альном движении — А.Ш.), и ле-ваки из партии коммунистическо-го возрождения. Во всяком случае, постфашисты регулярно приглашают крутых коммунистов на свои «народные гуляния»».

Но вернёмся в Россию. Упомяну-тый выше материал из «Русской мыс-ли» сопровожждён в качестве эпигра-фа словами ЭЛимонова: «На барри-кадах, плечом к плечу с новыми то-варищами по оружию...» Спустя со-всем немного времени эта метафора стала реальностью: в первую же ночь обороны Дома Советов осенью 1993-го на баррикаде в Глубоком переул-ке развивались рядом красный флаг и знамя с Кельтским Крестом. Итак, грядёт Консерватизм. Консер-ватизм как Революция. И мало ска-зать, что он будет социальным. И ска-зать, что он будет социалистическим — тоже мало. Отныне истинный кон-серватизм обречён быть большевицким. Большевицким «по энергии». Большевицким в смысле радикальнос-ти отрицания современного мира с его «общечеловеческими ценностями». В смысле непримиримости к власти де-нег, к власти

Мирового ростовщика. Истинный консерватизм несёт в себе сегодня мятежно-пролетарский пафос, отражённый в антиутопии ДЛондапа «Железная пята», повествующей о ра-бочей революции против всемирной олигархии плутократов — т.е. по сути против «мирового правительства». Борьба за освобождение социальное сегодня сознательно соединяется с на-ционально-освободительной борьбой против мирового «жида», поймавше-го мир в золотую банковскую сеть. Как отмечает Ален де Бенуа «с ка-питализмом надо вести отчаянную борьбу не потому лишь, что он «экс-плуатирует» трудящихся, но и пото-му, что он по своей природе являет-ся интернациональным и космополи-тическим». («Элементы», №4, 1993). Рабочий, заносающий молот над гади-ной современного мира — таков об-раз нового консерватизма.

Крайне важно осознать следующее. В общем, не так трудно преодолеть староконсервативные штампы. Гораз-до сложнее (и важнее) не позволить себе заикнуться на штампах «старо-фашистских» — т.е. на европейских консервативно-революционных фено-менах 20-30-х годов. Надо понять, что они представляют собой не идеал, а всего лишь частность, попытку, ва-риант. И абсолютизировать этот опыт, греметь «нордическим хламом» (вы-ражение Тириара) — ничуть не луч-ше, чем размахивать пыльными охра-нительскими знаменами времён Свя-щенного Союза.

В связи с этим представляет интерес следующее свидетельство. В своих мемуарах шеф германской разведки В.Шелленберг рассказывает о любо-пытной беседе, состоявшейся между ним и известным Мюллером — шефом гестапо, который высказывает, в част-ности, такие мысли: «В учении нацио-нал-социализма (Мюллер имеет в виду современную ему гитлеровскую вер-сию) слишком много компромиссов и его идеи не могут возбудить такую веру (какую возбуждает коммунизм — А.Ш.). Идеи же духовного коммуниз-ма в состоянии это сделать. Комму-низму присуще твердо установленное отношение к жизни, которое отсутст-вует у большинства наших западных ин-теллигентов, исключая, возможно, не-которых эсэсовцев...» Очевидно, что Мюллер сознавал недостаточ-ность, неполноту европейской, в частности, германской консерва-тивно-революционной версии. Его взор обращен на восток, в сторо-ну наступающих русских армид. Он признаётся: «Сталин представ-ляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообрази-мо выше всех лидеров западных держав, и если бы мне позволено было высказываться по этому во-просу, мы заключили бы соглаше-ние с ним в кратчайший срок. Это был бы удар для заражённого про-клятым лицемерием Запада, от ко-торого он никогда не смог бы оп-равиться. Видите ли, говоря с рус-скими, всегда ясно, как обстоят дела: или они вам снимут голову или начнут вас обнимать. А эта западная свалка мусора всё тол-кует о Боге и других возвышен-ных материях, но может заморить голодом целый народ, если придёт к выводу, что это соответствует её интересам. Германия достигла бы гораздо больших успехов, если бы фюреру удалось проникнуть в са-мое существо этого вопроса.» По-нятно, что Мюллер говорит не о ком-мунизме как таковом, а о сталинском национал-большевизме (очевидна

психологическая и идейная близость шефа гестапо к штрассеровскому направлению и особенно к германскому национал-большевизму Никиша с его тотальным антикапитализмом и русофилией). Мюллер, несомненно, видит ущербность воплощения принципов Консервативной Революции на западной почве — слишком выхолощенной, лживой, буржуазной, — и при этом ощущает, что идеалы, вдохновившие Европу на восстание «против современного мира», гораздо ближе к осуществлению в сталинской России, под личиной коммунизма, За словами Мюллера стоит характерное для многих европейских почвенников ожидание очистительной бури с востока, дикой, первобытной силы, способной вернуть в западную жизнь фундаментальные начала. (Вспоминаются слова кн. В.Одоевского: «Запад ожидает ещё Петра, который привил бы ему стихии славянские».) В конце разговора Шелленберг с иронией предлагает собеседнику: «...Давайте сразу говорить «Хайль Сталин», и наш маленький папа Мюллер станет главой НКВД». Характерен ответ Мюллера: «Это было бы превосходно. Тогда вам и вашим твердолобым друзьям буржуа пришлось бы качаться на виселице». (В.Шелленберг, «Лабиринт», М., 1991). Примерно в этом же направлении шла идейная эволюция К.Родзаевского, который в своём известном письме к Сталину (1945) писал: «...сталинизм это как раз то самое, что мы ошибочно называли российским фашизмом; это наш «российский фашизм», очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений». Уверен, что эти строки не были продиктованы конъюнктурой момента. Родзаевский не мог не видеть, что российский фашизм, подобно родственным ему европейским движениям, также не свободен от половинчатости и компромиссов, передавшихся ещё от Союза Русского Народа. В силуэте сталинского колосса Родзаевский, возможно, видел прообраз Сверх-России, или как он говорил, «третьей России». Сама дальнейшая судьба вождя русских фашистов (гибель в застенках НКВД) в данном случае не имеет принципиального значения.

Большевизм, Октябрь пришёл как сила нигилистическая, отрицающая, уничтожающая. Однако по воле мистической диалектики Истории, он усилил, подчеркнул, сделал неизгладимыми архетипические консервативные черты России, революционизировал их, до конца времен обрёл Россию на консерватизм, на высокую участь осаждённой крепости мира, о стены которой разбивают лбы всевозможные «реформы». Большевик стал промыслительным ответом на Февраль, ответом на попытку России освободиться от бремени Третьего Рима, от бремени Удерживающего и стать «как все». Большевик лёг в наше основание, как свинец и одновременно как залог будущего нового русского качества. Наконец большевик стал новой, молодой кровью Консерватизма как такового. Консерватизма как священного конфликта с «миром сим». Большевицкое отрицание слилось с консервативным отрицанием современного мира, обострило его, дало ему новое качество, новый пафос, новую жизнь. Этот синтез совершила Россия — совместилище поднимающегося революционного консерватизма. Парадокс: безбожный Октябрь по воле Промысла стал «локомотивом-толкачем» для грядущего Консерватизма, который бросит вызов миру безбожия. Обостряя известный тезис Леонтьева, можно сказать, что либерализм — всегда разрушение, а большевик может быть и созиданием. И он стал созиданием. Большевик, пронизанный стихиями русского духа, — ключевая консервативная сила XX века и последних времён вообще.

17-й год — та «мистическая нуле-вая точка», пройдя которую Консерватизм перешел в новое, апокалиптическое качество, стал Революцией. Октябрь взломал историческую ткань, напитал Консерватизм эсхатологическими токами, зарядил огнем максимализма и возмездия, на закате истории вернул Консерватизму здоровое, райское первородство, 17-й год сжёг ветхую, слащавую мишуру, налипшую за века на Консервативный Идеал и провёл грань между Консерватизмом Вечным, Священным (и значит Революционным) и лжеконсерватизмом Черчиллей и Столыпиных, который от «мира сего». Точка максимального Отрицания стала точкой нового Утверждения. Грядущий Консерватизм — это большевицкая энергия, освящённая Свастикой. Новый Консерватизм является идеей Порядка лишь в сокровенном смысле, тогда как в отношении к современному миру он выступает в качестве Революции. «Фашизм» (имеется в виду вся европейская Национальная революция 20-40-х годов) стал первым непосредственным проявлением Нового Консерватизма, разбу-женного болыпевицким взрывом.

«Фашизм — писал в своё время Н.Бердяев — единственное творческое течение современности — является таким же «новым средневековьем», как и коммунизм». С поистине леонтьевским дерзновением Бердяев отнёс коммунизм к стихии Консервативной Революции («нового средневековья»). Очевидно, что глубинный «неосредневековый» импульс коммунизма ощущал и Муссолини, говоривший о возможности синтеза русского и итальянского опытов. Возможно Муссолини видел, что движения, возглавляемые им и Гитлером, носят лишь предварительный характер, являются частностью в процессе становления Нового Консерватизма, началом Великого Синтеза, но ещё не его Результатом. Видимо дуче, видя, что и он, и Гитлер не до конца «отряхнули с ног» прах «старого мира» (Мюллер: «Слишком много компромиссов!»), обращал взор к русскому большевизму как к вдохновляющему первообразу восстания против ветхой современности. Во всяком случае ясно: Великий Синтез, «новое средневековье», Новый Консерватизм, наконец сама Эра Свастики — впереди. По большому счёту, фашизма еще не было. «Фашизм» ещё только будет.

В 1921 году русский художник Константин Юон написал странную картину «Новая планета». На мёртвой, иссохшей тверди мечутся люди, со страхом и надеждой протягивают руки к горизонту. А над ним, в небе, пронизанном мощными лучами наступающего Завтра, летит огромная сфера — зыбкая, тревожно-алая масса. Новая планета, образ Силы, отодвигающей Конец Истории.

1 Эта статья написана в течение 1993 года, в период острого политического противоборства, и несёт на себе определённые черты той эпохи, ставшей Историей. Однако многие её положения и сегодня остаются авангардными. Публикуется впервые. (Ред.)

2 Конфликт старого консерватизма и консерватизма революционного имел особо драматический характер в Румынии в 1938-1941 годах, когда правые режимы Кароля II и Антонеску обрушили жестокие репрессии на доблестную «Железную Гвардию». Тысячи железногвардейцев, включая легендарного капитана Кодряну, были уничтожены физически.

3 В свете этого нет никакого противоречия в том, что послевоенный Сталин, обратившийся к национальным, имперским идеалам, одновременно стремился углубить социалистические качества систем». Сталинская Империя — действительно последняя Империя в древнем, сакральном значении того слова.